

© ЭО, 2005 г., № 5

Н.В. Шлыгина. Рец. на: *П. Невалайнен. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939)*. СПб., 2003. 386 с. Пер. с фин. Майю Леппя.

Работа известного финляндского историка Пекки Невалайнена, опубликованная на русском языке под названием “Изгой”, представляет сокращенный перевод его труда, опубликованного в Финляндии в 1999 г.¹, и посвящена мало исследованной проблеме – судьбам эмигрантов из России в Финляндии начиная с послереволюционного периода и вплоть до начала советско-финляндской войны 1939 г. Разумеется, на фактических материалах, которые содержатся в работе, остановиться можно лишь избирательно, но некоторые из них мы все же приведем, поскольку они до сих пор оставались неизвестными.

К числу таких сведений относится численность беженцев с учетом их этнического состава. До революции в Финляндии насчитывалось примерно 18 тыс. русских, из которых около трети имели финляндское гражданство, остальные были российскими подданными – в их число входили служащие царской администрации, промышленники, купцы и др. Сразу после октябрьских событий в Финляндию начался массовый наплыв беженцев: это были политические эмигранты, участники различных провалившихся антисоветских восстаний и вооруженных походов: финляндского олонецкого похода, остатки армии “Северного правительства” и шедшего на Петроград Северо-Ингерманландского полка, участники восстаний в Кронштадте и в Олонце (1922 г.). Вместе с ними уходили и поддерживавшие их местные жители – причем в некоторых случаях целыми семьями со всем скарбом и домашним скотом. За период 1919–1922 гг. в страну прибыло до 42 тыс. беженцев. В дальнейшем через границу пробирались лишь одиночки – с 1923 по 1939 гг. менее 2 тыс. человек (см. табл. на с. 36).

Рассматривая социальный состав эмигрантов, Невалайнен справедливо отмечает, что в литературе заметна тенденция представлять эмигрантов из России в основном как представителей привилегированных сословий, тогда как простой люд остается зачатую вне поля зрения.

В Финляндии среди эмигрантов из высших слоев общества быстро выделилась группа “транзитников”, которые сразу или через год–два уезжали в третьи страны. Тем не менее именно среди оставшихся в стране русских эмигрантов было немало образованных людей, что отражалось на политической и культурной жизни русскоязычного населения (с. 1 и сл.). Наряду с этим финляндские источники содержат богатые сведения и об эмигрантах из числа крестьян, ремесленников и других представителей “простого народа”.

Весьма существенным вопросом при изучении положения беженцев в Финляндии был этнический состав. Их делили на 2 группы: русских (к ним причисляли формально и некоторых других переселенцев из России, например, грузин) и “соплеменников”, то есть ингерманландских финнов и карелов². При этом все “соплеменники” априори рассматривались как если не единая, то во всяком случае однородная группа (с. 41). Как отмечает автор, это не соответствовало реалиям: относительно целостную группу представляли только ингерманландские финны, в то время как карелы подразделялись на беломорских и олонецких, которые существенно отличались по диалектам и традиционной культуре, в том числе и по жизнеобеспечивающим занятиям.

Беженцев внутри обеих групп разделяли их настроения и установки на будущее. Одни жили ожиданием крушения Советов и возвращения “домой”, другие стремились просто вернуться на родину. Из рядовых “соплеменников”, несмотря на запугивание со стороны Карельской зарубежной комиссии и отсутствие гарантий с советской стороны, уже за 1921–1922 гг. домой вернулись 2 тыс. ингерманландских финнов и 4200 беломорских и олонецких карел (с. 47). Возвращались и кронштадтцы, хотя гарантии были даны Советами лишь рядовому составу.

Наталья Васильевна Шлыгина – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Даже когда Советы объявили, что сроки амнистий истекли, люди все равно ехали на родину. В целом за 1921–1929 гг. из Финляндии в Россию уехало около 25 тыс. беженцев.

Далее в нескольких главах П. Невалайнен рассматривает политику финляндских властей по отношению к беженцам и миграционное законодательство.

В первый послереволюционный период ситуация в Финляндии была весьма сложной уже вследствие развернувшейся в стране междоусобной гражданской войны. К тому же на территории Финляндии находились до 73 тыс. российских солдат, значительная часть которых была революционно настроена. (Немалое их число погибло потом в концлагерях от ран, голода и болезней.) Установкой же белофинских войск было сражаться против большевиков, русских и красных финнов. Ненависть к русским как таковым подогревалась еще и германскими войсками, введенными в страну с целью помочь “освободительной войне”. Ненависть к “рюсса” (презрительное название русских в Финляндии) существовала не только в военных кругах, она пропагандировалась различных мастей активистами и тиражировалась в прессе. При этом в русских эмигрантах видели как опасных революционеров, так и ненавистных реакционеров, противников самостоятельности Финляндии. Для “большей доходчивости” подчеркивалось, что беженцы “объедают” разоренную страну.

Наряду с этим и финляндский сенат незамедлительно принял решение о высылке из страны всех российских подданных, включая беженцев из Прибалтийских губерний. Таким образом в 1918 г. из страны было выдворено 25 тыс. человек (с. 62). Первоначально для облегчения контроля за границей на Карельском перешейке была “очищена” от местных жителей полоса в 1,5 км, а далее Выборгская губ. вообще была “очищена” от русского населения: часть его уехала в Россию, некоторые эмигрировали в третьи страны. Не желавших уезжать вывезли в лагерь, организованные под Хямеенлинна и Хеннола. Чиновничий аппарат, как весьма убедительно показывает Невалайнен, не соблюдал никаких норм по отношению к эмигрантам, действовал совершенно бесконтрольно и по субъективным установкам (с. 65). Первые правила приема беженцев были установлены лишь в 1919 г., после избрания президентом К.Ю. Столберга.

Некоторое смягчающее влияние на финляндскую политику по отношению к российским эмигрантам оказали нормы их приема в европейских странах, в том числе и специальной комиссии Фритьофа Нансена. Выдаваемые ею “нансеновские”, или “женевские” паспорта были признаны 50 странами мира, в том числе и Финляндией (с. 50). Но визу на въезд в Финляндию ее консульские отделы в России давали лишь для транзитного проезда или для поездки, связанной с ликвидацией имевшейся там собственности. Законы о беженцах, изданные в 1930 г., в целом затруднили получение права на жительство в Финляндии (с. 87).

В связи с иммиграционной политикой Финляндии П. Невалайнен останавливается на событиях конца 1930-х годов, бросающих мрачную тень на поведение финляндских властей. Еще в 1933 г. Лига Наций организовала должность верховного комиссара по делам беженцев из Германии, но до поры до времени Финляндия оставалась в стороне от этих проблем. Лишь весной 1938 г. в страну прибыла группа австрийских евреев, которых приняли без особых препятствий. Но уже в августе того же года в Хельсинкский порт не было допущено судно с 50 австрийскими евреями (с. 93). Политика по отношению к иностранцам в целом ужесточилась, в тюрьмах оказались и бывшие российские подданные, обвинявшиеся в измене родине, и советские граждане. Весной 1941 г., накануне вступления Финляндии в качестве союзника Германии в войну с СССР, проводились уже массовые аресты. Кроме того, в 1942 г. Финляндия выдала Германии 76 иностранцев, в основном евреев и эстонцев, а также 30 советских граждан (с. 95). Несмотря на шум в кругах зарубежной общественности, позиция Финляндии, занятая ею в жестокое военное время, сохранялась и в дальнейшем. Как констатирует Невалайнен, в течение 30 лет Финляндия была закрыта для эмигрантов и беженцев.

Далее исследователь обращается к проблемам жизнеобеспечения тех беженцев, которые остались в Финляндии в послереволюционный период. Их положение было весьма незавидным: без гражданства они не имели права на налоговые льготы, на бесплатное медицинское обслуживание и школьное обучение. Для получения же гражданства требовалось прожить в

стране не менее пяти лет, иметь возможность обеспечить себя средствами существования и ряд свидетельств, в том числе и о благонадежности, выдаваемое сыскной полицией. В итоге к 1943 г. гражданство получили 5 тыс. русских, чуть более 2 тыс. карел и 1651 финн-ингерманландец (с. 102).

Трудоустройство было проблемой самих эмигрантов. По мнению прессы тех лет, наибольшую гибкость и предприимчивость проявляли в этом деле русские. Немало людей устроилось на работу на старые русские предприятия: на табачную фабрику Сергеева, кондитерскую фабрику Койтто, предприятия К. Фацера, на некоторые русские предприятия на Карельском перешейке. Две группы российских офицеров организовали докерские бригады в портах Хельсинки и Уури. Диапазон занятий был в целом широк: от чистильщиков обуви и разносчиков газет до актеров и владельцев ресторанов, портних и учительниц музыки. Невалайнен отмечает при этом, что многие двери были закрыты для русских эмигрантов из-за незнания ими финского языка и просто из-за ненависти к «рюсся».

«Соплеменники» настойчиво стремились остаться в рамках своих традиционных сфер деятельности, что было не так-то просто. Финны-ингерманландцы хотели заниматься крестьянским трудом, но все попытки различных организаций «соплеменников» добиться законного права на приобретение беженцами земли не имели успеха – лишь 7% ингерманландцев смогли осесть на земле: кто-то женился на финке, кто-то брал землю в аренду, некоторые покупали наделы через подставных лиц. Основная масса ингерманландцев вынуждена была уйти в города, пополняя ряды рабочих (с. 161). Выходцы из Беломорский Карелии, традиционно занимавшиеся промыслами и торговлей, пошли в основном на лесопилки и лесные работы.

Важный вопрос обучения детей эмигрантов был решен не сразу. Так, в 1922 г. Школьное ведомство взяло под свой контроль школы, открывавшиеся для детей «соплеменников»: в итоге стали работать 9 школ для ингерманландцев и 23 – для карел. Только в 1932 г. был принят закон, по которому глава семьи, даже не имеющий финляндского гражданства, имел право на бесплатное обучение детей в народной школе (т.е. начальных классах).

Для обучения русскоязычных детей правительство средств не выделяло. Правда, до революции в Финляндии существовали русские школы, но они содержались за счет царского правительства. Несколько из них продолжали действовать за счет средств, поступавших от различных эмигрантских центров Европы. Некоторые отдавали детей в шведские школы, поскольку шведский язык продолжал считаться более престижным и легким, чем финский. Автор подчеркивает, что русские эмигранты, в отличие от «соплеменников», придавали большое значение образованию детей.

Одна из глав посвящена проблемам религии и положению православной церкви в Финляндии. Для российских эмигрантов несомненно важным стало признание православной церкви второй (наряду с евангелическо-лютеранской) государственной церковью республики. Но при этом Финляндия постаралась придать ей «национальный» характер и отделить ее от российской церкви; с 1923 г. она перешла в состав Константинопольского патриархата, а церковные службы стали постепенно переводиться на финский язык.

Среди «соплеменников» карелы были православными, а финны-ингерманландцы – лютеранами. Собственной ингерманландской церкви, которая по некоторым нормам отличалась от финляндской, они, как не имевшие гражданства, организовать не могли и постепенно вливались в приходы местной лютеранской церкви.

Глава «За Родину» начинается с общей оценки настроений российских эмигрантов в связи с нападением Германии на СССР и автор рисует их однозначно положительными. Несомненно, определенная часть эмиграции так к этому и относилась, исходя из предполагаемого падения советской власти. Но тем не менее следовало бы упомянуть, что среди эмигрантов как в Европе, так и в Америке существовала и иная оценка фашистской агрессии.

Такие разделы этой главы как «Финляндия: от черносотенцев до национал-большевиков», «Люди из сумерек», основанные на обширной базе источников, представляют несомненный интерес для российского читателя. В частности, это сведения о различных разведывательных организациях, работавших в Финляндии. Автор приводит цитату из материалов Пауля Дюка,

возглавлявшего в те годы британскую разведку в России: он писал, что Финляндия была наводнена “контрреволюционными интриганами, германскими агентами, большевистскими шпионами”. Это относилось в первую очередь к самой столице и Выборгу, расположенному в непосредственной близости от границы. Агентов из числа русских эмигрантов вербовали Великобритания, Франция, Германия, Польша, Япония (с. 230–231).

Эмигранты пытались организовать также собственную разведку и подрывную деятельность в России. В частности, этим занимались монархические круги, связанные с претендентами на российский престол – как сторонники Кирилла Владимировича, так и Николая Николаевича. “Не дремали” и “соплеменники”, организовывавшие военные походы в Россию.

Акции “дикого шпионажа” обычно заканчивались провалами, но эта подрывная деятельность действовала советским властям на нервы. Эти вылазки и акции использовались советской стороной как повод для проведения разного рода “чисток”, преследований финнов “по национальному признаку” и “очищений” приграничных районов от “ненадежных элементов”.

Одна из глав посвящена различным организациям и объединениям, создаваемым самими беженцами, и их деятельности. По закону эмигрантам полагалось иметь в стране проживания лишь один собственный официальный центр, но в Финляндии их было больше – один для русских и другие – для “соплеменников”.

“Особый комитет по русским делам в Финляндии” вначале занимался в основном организацией военных вторжений в Россию: первоначально оно планировалось в расчете на помощь немцев, а после поражения Германии ставка делалась на Юденича. Однако начиная с 1921 г., когда руководство Комитетом перешло в руки А. Фенкульта, на первый план вышла деятельность по оказанию помощи эмигрантам: их учет, помощь русским школам и т.д. Несмотря на многие трудности, Комитет работал до 1980-х годов.

У “соплеменников” поначалу возникли многочисленные организации. У ингерманландцев со временем остался лишь “Комитет по делам Северной Ингерманландии”, переименованный затем в “Ингерманландскую комиссию в Финляндии”. Ее деятельность со временем свелась к оказанию посильной помощи землякам, в частности при различных бюрократических процедурах – оформлении вида на жительство и т.п. Но при этом Комиссия стремилась придать себе статус “правительства в изгнании”: созывались общие собрания ингерманландских финнов, где выбирались члены Комиссии, и т.п. В 1934 г. Комиссия была распущена из-за внутренних распрей.

В 1920 г. было создано “Центральное правительство Карелии”, а в 1929 г. – “Центральная комиссия племенных организаций”. Их деятельность в значительной мере была ориентирована на то, чтобы побудить зарубежные страны и правительство самой Финляндии следить за выполнением Советами Тартуских решений. Самим же эмигрантам-карелам Комиссия в основном оказывала помощь при получении прав на проживание и трудоустройство. В 1944 г. по условиям договора с СССР Комиссия была распущена.

Наряду с официальными действовали и общественные организации эмигрантов. Русские эмигранты довольно энергично создавали различные объединения (особенно в Хельсинки и Выборге), занимавшиеся культурной и просветительской деятельностью. После войны некоторые из них, в частности “Русская колония”, были закрыты, некоторые угасли сами по себе.

“Соплеменники” проявляли в вопросе самоорганизации определенную пассивность, более деятельными были финляндские неправительственные организации, в частности “Академическое карельское общество” и “Карельское просветительское общество”. Только к 1924 г. карелы создали собственное объединение, которое занималось практическими вопросами: заботой о бездомных, о людях, втянутых в картельные группы или спивающихся. У финнов-ингерманландцев самоорганизация также развивалась медленно, лишь в 1923 г. возник первый кружок, а в 1930 г. – “Ингерманландское объединение”, которое действует до сих пор.

Автор отмечает, что периоды оживления в работе различных организаций ингерманландских финнов были связаны в значительной мере с событиями в Советском Союзе (репрессиями в ходе коллективизации, высылкой финнов из приграничных районов). Время от времени в их среде вновь всплывала идея Великой Финляндии. В годы “войны-продолжения” (1941–

1944) возникла идея и о присоединении Ингерманландии (т.е. Ленинградской обл.) к Финляндии в качестве “немецкого дара” (с. 272)³. В Карелии, значительная часть которой была оккупирована финляндско-немецкими вооруженными силами, местное население оказало “освободителям” сдержанный прием (нам приходилось слышать от карел о зверствах, которые творили там оккупанты).

Особая глава посвящена тому вкладу, который внесли в культуру Финляндии эмигранты – как русские, так и “соплеменники”: здесь приводятся сведения о том, в какой области культуры влияние эмигрантов оказалось наибольшим – у русских это была в основном театральная деятельность. Названы наиболее интересные деятели из их числа, так же как и из среды финноязычных эмигрантов.

Одна из наиболее важных, на наш взгляд, глав – последняя: “Инородцы в Финляндии – опыт выживания”. Она подводит итоги проведенного изучения жизни и судеб беженцев. При этом автор специально останавливается на проблеме происхождения финской русофобии. Невалайнен полагает, что у рядового финна она возникает в начале XX в. в связи с политикой царского правительства по ограничению прав финляндской автономии. На наш взгляд, нельзя все же исключать и отголосков более ранних времен, когда Финляндия входила в состав Швеции. Последняя вела с Россией непрерывные войны, и финны в рядах шведских армий проливали кровь, сражаясь с русскими. Но и наступление царской России на права финляндской автономии началось уже в конце XIX в.⁴, и если ее действия, как пишет автор, вызывали возмущение в основном среди интеллигенции, то попытка ввести в 1899 г. в Финляндии общероссийскую форму воинской повинности имела среди населения широкий резонанс.

Заметим также, что не очень убедительно выглядит вывод о том, что в 1917 г. угрозой независимости Финляндии считались именно большевики. Может быть, лучше говорить о “красной угрозе” в это время в самой Финляндии или о реакции на идеи мировой революции? Нельзя игнорировать все же и тот факт, что именно большевики в 1917 г. подписали акт о признании самостоятельности Финляндии, а признание ее суверенитета со стороны большинства зарубежных стран началось лишь после этого. Носителями идей “единой и неделимой” России в те годы были все же не большевики.

Рассматривая, как в послереволюционный период велась кампания против всех прибывающих в страну беженцев, П. Невалайнен анализирует прежде всего материалы прессы тех лет. Кампания велась против всех иммигрантов, но в первую очередь – против русских. Особенно активны были шюцкоровские газеты, различные издания активистов и “Академического карельского общества”. В них идеи исконной ненависти к русским переплетались с идеями финского “племенного единства” и Великой Финляндии. Невалайнен отмечает, что в отношении к русским просматривался и несомненный расизм: так, ставилось под сомнение, можно ли их вообще причислять к человеческому роду (с. 308).

Отношение к “соплеменникам” было в принципе благожелательным: они были “одного рода” и боролись против красных. Но это не спасало и их от нападков как в быту, так и в печати. Их именовали нахлебниками, штрейкбрехерами, плохими работниками, пьяницами и забулдыгами. Упоминалось, что ингерманландские финны под влиянием жизни в России и сами обрусели. Оценки беженцев в прессе менялись, интерес к эмигрантам временем угасал, потом вспыхивал вновь, но в общественном мнении сформировалось устойчивое деление эмигрантов на плохих – русских – и хороших – карел и ингерманландских финнов. Невалайнен констатирует, что “русифобство... сказывалось на судьбах эмигрантов в Финляндии в большей степени, чем в остальных странах” (с. 318).

Заключение – “В жерновах жизненных обстоятельств” – кратко резюмирует выводы, уже сделанные автором в отдельных главах.

Надеемся, что нам удалось показать, сколь основательно изучены П. Невалайненом те проблемы, которые он взялся осветить, и на какой обширной базе основывается данное исследование. При этом большая часть материалов впервые вводится в научный оборот. Излагая и интерпретируя эти данные, автор проявляет достойную уважения объективность – идет

ли речь о политических группировках и их деятельности в среде разных групп беженцев, или о действиях финляндских чиновников, активистов и самого правительства.

Некоторые замечания были сделаны нами по ходу изложения. Отметим также, что П. Невалайнен не раз пишет, что у современных беженцев и репатриантов в Финляндии существуют трудности того же порядка, что и в рассматриваемый им период. Эти высказывания автора справедливы, но еще более существенно то, что его исследование дает хорошую основу для понимания тех проблем, с которыми связаны многие трудности новых переселенцев в Финляндию.

Следует сказать несколько слов и о переводе. Не подлежит сомнению, что перевод столь сложной работы – и на таком уровне – мог сделать человек не только прекрасно владеющий финским и русским языками, но и хорошо ориентирующийся в рассматриваемых проблемах и истории Финляндии. Очень удачно выбрано им для русского издания и название “Изгой”, хорошо звучит и термин “соплеменники”.

Одно наше замечание по терминологии относится не к переводчику, а к автору: термин “эмигранты” используется в тексте систематически для обозначения русских, а “беженцы” – для карел и финнов. Но ведь по сути ни тот, ни другой термин не имеют этнического характера. В данном случае все прибывшие в Финляндию из России люди были беженцами, а в дальнейшем тот, кто “осел” в стране, может вне зависимости от этнической принадлежности рассматриваться как эмигрант – во всяком случае, в первом поколении.

Хочется добавить, что в книге, рассчитанной на русскоязычного читателя, следовало бы дать некоторые примечания: необходимо было бы пояснить, что под принятым в Финляндии и сохраняющимся в переводе наименованием “Восточная Карелия” подразумевается вся Республика Карелия, а “Пограничная Карелия” – это один из финляндских юго-восточных уездов.

В целом же работа П. Невалайнена заслуживает самой высокой оценки и представляет существенный вклад в изучение истории Финляндии.

Примечания

¹ Финское название: *Nevalainen Pekka. Vyskoi kuin luoja kerjalistä. Venäjän pakolaiset Suomessa 1917–1939.* Helsinki: SKS, 1999.

² В тексте перевода сохраняется терминология оригинала: Карелия называется “Восточной Карелией”, карелы этой территории – “восточными карелами”: под Западной Карелией подразумевается провинция Карьяла. В рецензии мы пользуемся принятой в отечественной науке терминологией.

³ Как установлено, немцы планировали полное “очищение” этой территории от старожильского населения с целью создания там немецкой колонии “Siedlungsmark Ingerman-

НА САЙТЕ ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели, обратите внимание, что на Интернет-сайте журнала в разделе *Этнографическое обозрение Online* (<http://journal.iea.ras.ru/online>) опубликованы следующие материалы:

- И.В. Жукова. Современные художественные традиции в мультикультурном обществе Канады.
- Е.В. Ревуненкова. Хроника научной жизни.
- Н.А. Зотова. Басиловские чтения – 2005.
- Список основных научных трудов Р.Я. Рассудовой